

*Шутенко Е. Н., канд. психол. наук, доц.,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет*

ДИАЛЕКТИКА САМОСОЗНАНИЯ КАК ПЛАН САМОРЕАЛИЗАЦИИ ДУХА В ФИЛОСОФСКОМ УЧЕНИИ Г. ГЕГЕЛЯ

shutenko@bsu.edu.ru

Рассматривается категория самосознания в философии Г. Гегеля. Раскрываются основные аспекты и способы понимания самосознания как процесса, описываются основные ступени развития самосознания в логике саморазвития духа. Отмечается важность момента самопреодоления для обретения полноценного самосознания.

Ключевые слова: *самосознание, диалектический метод, субъект, саморазвитие, самопознание, рефлексия, самопреодоление.*

Философская система Г. В. Ф. Гегеля занимает особое место в культуре гуманитарной мысли. Она по праву считается наиболее масштабной и грандиозной по своей категориальной репрезентации и понятийному полю. По охвату сложнейших проблем философской науки, гносеологии, истории и пр., гегелевская систематика аккумулирует в себе уникальный эвристический потенциал. Именно этот потенциал вдохновлял самых крупных мыслителей XIX и XX веков и до сих пор задействуется специалистами практически всех областей философского и социально-гуманитарного знания. Центральную линию в философской системе Гегеля представляет сложнейшая и комплексная проблематика самосознания.

В развитии философской традиции понимания проблемы самосознания учение Гегеля открыло новый этап. Он связан с разработкой *диалектического метода*, который позволил впервые в полной мере представить самосознание в развитии как особый *процесс*, преодолев механистичность его трактовок в рамках эмпиризма и рационализма, а также априорную трансцендентность его феноменологии в кантовском учении. Известно, что в свое время именно И. Кант точно подметил особую структуру самосознания, а именно включенность в него знания и двух типов предметности: реальной предметности и предметности идеальной, трансцендентальной. Именно этот тип предметности является определяющей в структуре самосознания [1]. Но его содержание находится в пределах опыта в скрытом виде, и задача состоит в экспликации определений этого трансцендентального. Кант мыслит эту экспликацию как развертывание категорий трансцендентальной логики. При этом образуется понятийный круг, который удастся разорвать лишь Гегелю. Речь идет о том, что в терминах трансцендентального идеализма, который последовательно развивали Фихте и Шеллинг, формы, законы и категории чистой логики должны были быть уже изначально выведены из самосознания. И хотя субъек-

ektivность как чистая апперцепция объявляется Кантом принципом логического единства вообще и одновременно принципом трансцендентальной логики, сам принцип оказывается нереализованным: остается неясным, каким образом продуцируется принадлежащее чистой субъективности многообразие определений и каковы бытийственность и способы выхода в объективность чистой апперцепции самосознания. Попытка Фихте преодолеть эту «разорванность» трансцендентального и реально-логического, привело его обоснованию единства Я и не-Я [2]. Однако он не вышел за пределы кантовской философии, оставаясь в рамках трансцендентальной логики.

Гегель сумел разрешить эту трудность трансцендентального идеализма, преодолеть замкнутый круг аргументации, разработав концепцию развивающегося самосознания, развернув реальное диалектическое содержание данного феномена. Как отмечает М.Ф. Быкова, такой выход стал возможным благодаря принципиальной переориентации философии в учении Гегеля: переходу от логики трансцендентальной к логике спекулятивной. Единственно истинным пониманием реальности самосознания является для Гегеля то, которое выражает спекулятивно-диалектическое содержание и акцентирует моменты имманентной активности и самостоятельности, диалектической связи и единства его субъект-объектных форм [1]. Эта целостность особого рода, которая сама из себя продуцирует принадлежащее ей многообразие, которая самообъективируется, самоосуществляется в мире и в этом процессе познает и осознает самую себя, а, следовательно, и мир, ей принадлежащий. При этом процесс самообъективации есть одновременно и процесс экспликации форм, законов и категорий логики, логических и метафизических определений мира. Что позволяет Гегелю говорить о чистой субъективности как принципе логики, но уже логики спекулятивной. Причем у Гегеля этот принцип становится фундаментальным принципом логики, который гарантирует

целостность самого логического построения и выступает в качестве основного «закона» его развертывания.

Сам же принцип есть чистое самосознание как всеобщая связь структуры чистых интеллектуальных действий. Гегель ведет речь о таком самосознании, которое является содержательной характеристикой чистого мышления; оно толкуется им не как психический акт или физиологический процесс, а в качестве философского принципа. Суть дела сводится к самообоснованию логической связи различных представлений сознания и других интеллектуальных действий. Что реально означает прояснение механизмов и структуры мышления, мыслящего самого себя, причем мышления, реально сущего и мыслящего себя как сущее.

В своей философии Гегель стремится постичь, «ухватить» самосознание в реальном единстве его противоречивых определений» [3, с. 192]. Он видит «укорененность» самосознания как принципа в самой действительности как «...налично сущее <...> абсолютное соотношение с самим собой» [4, с. 236], т.е. самосознание понимается Гегелем не только как теоретический принцип, принцип логического духа, но и как реальный, функционирующий в действительности феномен.

Проблема самосознания, которую стремится разрешить философ, состоит, по мнению М.Ф. Быковой, в «...обосновании бытия самосознания (понятого как широкая сфера деятельности духа) как реального противоречивого единства самого себя и своего иного в себе, в раскрытии механизма, обеспечивающего движение этого бытия» [1, с. 193]. Решает Гегель эту проблему через развертывание содержания самого процесса самосознания, причем, что особенно важно, «жизнь» самосознания и мышления у Гегеля разворачивается в мире и через мир утверждает себя в качестве существенной и ценной.

Представляя процессуальность самосознания, динамику его развития, Гегель исходит уже не из разделительной дизъюнкции (Кант), а из содержательной конъюнкции как разрешения и снятия противоречий в синтезе. Так, в его концепции самосознания утверждается «полное единство» «Я» как абсолютного понятия и «Я» как эмпирического элемента. Как отмечает М.Ф. Быкова, Гегель разрабатывает теорию субъективности как реальности самосознания, продолжая развивать феноменологический анализ духа [1].

В систематике Гегеля обнаруживается три самостоятельных аспекта понимания самосознания как процесса.

Во-первых, *субстанциальный аспект* в концепции разума как логического понятия «Я».

Во-вторых, *аспект единичного самосознания* конкретного «живого индивида».

В-третьих, *самосознание как «род»* представляет промежуточный аспект, связывающий и объединяющий первые два, через который понятие о самосознании реализуется, воплощается в «Я» эмпирическом.

По мнению М.Ф. Быковой, выдвигая данные аспекты самосознания, Гегель, стремится отразить в них процессуальность, выражающуюся в диалектике всеобщего – особенного – единичного [1, с. 194].

Первый, исходный для Гегеля аспект – это всеобщая субъективность (субстанционально-всеобщее), которая «внедрена» в бытие, соединена с действительностью. По существу здесь философом гносеологически выражается «метафизическая» суть человеческой самости как «чистого, соотносящегося с собой единства, ...когда оно абстрагируется от всякой определенности и всякого содержания и возвращается к свободе беспредельного равенства с самим собой» [4, с. 16]. Под «чистым» самосознанием у Гегеля скрывается «дух, который совершает сам и для себя же, в качестве духа, свой собственный внутренний процесс» [5, с. 583].

Для Гегеля важно было не просто замыкание всеобщего самосознания на себя, а выход вовне. Этот выход как «механизм становления «сверхчувственного» чувственным» был найден Гегелем в *рефлексии*. Как отмечает М.Ф. Быкова, в отличие от Канта и Фихте, Гегель понимал рефлексию не как остановку сознания, и потому лишь его момент, а как осознанно рациональное отношение в движении «внутреннего процесса» самосознания [1]. «Целокупная рефлексия» есть для Гегеля «двойное преломление» (Doppelschein): во-первых, вовне, рефлексия в другое; и, во-вторых, внутрь, рефлексия в себя [5, с. 39]. В процессе этого рефлексивного акта всеобщее обретает свою определенность (проходя через особенное и единичное, и сливаясь с ними). Таким образом, «...активность, деятельность не привносятся в самосознание извне, Гегель обнаруживает их в нем самом» [1, с. 197].

Второй аспект (самосознания как *род*) есть способ представления Гегелем *общественного самосознания* как определенности всеобщего, рождающейся в «бесконечном отношении меня ко мне» в бытии иного [1]. Это оформленность «истекающего» самосознания духа, его определенность и закрепленность в культуре, превращение чистого самосознания в действительную сущность. В данном аспекте самосознания

у Гегеля открывается содержание категории *саморазвития*, состоящее в самопознании (=самоутверждении) человека путем узнавания и осознания не только своей включенности в мир, но и укорененности мира в нем самом. Это очерчивание человеком своей самости в границах, запредельных его единичности. По существу речь идет о вычленении особой реальности, которая обеспечивает преэминентность человеческого бытия в его развитии, и под которой у Гегеля понимается *язык* как некая всеобщая «стихия передавания». Именно язык выступает той формой, в которой самосознание становится впервые «определенным», «предметным» (определенным «для себя» и «для другого»). Как отмечает М.Ф. Быкова, у Гегеля в языке фиксируется общезначимое, ценное, «миллиарды раз повторенное» содержание самосознания [1, с. 200]. Придавая «языку» облик теоретической стихии (а не предметно-практической), Гегель видит в нем воплощение внутренней активности и процессуальности самосознания как «интерсубъективной» деятельности, разворачивающейся в культуре и истории.

Третий аспект самосознания подразумевает *абсолютную определенность*, представляющую себя иному и исключаящую это иное [4, с. 17]. Рассматривая индивидуальную личность, Гегель имеет в виду, прежде всего, собственно самосознание единичного «Я». «Я»...<есть>...живой, деятельный индивид, его жизнь состоит в созидании своей индивидуальности как для себя, так и для других, в том, чтобы выражать и проявлять себя» [6, с. 70]. Именно в индивидуальности открывается подлинная жизнь самосознания, его содержательность, ибо это есть конкретность, реальное осуществление, жизнь всех определений самосознания. Важно отметить, что реализация самосознания выступает у Гегеля как результат «внедренности» всеобщего в индивидуальное. Он отстаивает идею о единичном самосознании как «социальном, общественном явлении». «Что признается за личность, пишет философ, – ...до такой степени мало существует от природы, что является скорее лишь продуктом и результатом сознания наиболее глубокого принципа духа, а также всеобщности и культуры этого сознания» [7, с. 353].

В развитии самосознания Гегель выделяет три основные ступени, соответствующие степеням зрелости субъекта и характеру его взаимодействия с миром.

Первая ступень – «единичное самосознание» как осознание лишь собственного существования, признание своей недостаточности и ничтожности в сравнении с безграничностью окружающего мира, ощущение разлада с миром

и стремление к самореализации. Гегель обозначает данный уровень как «вождедующее самосознание» [7].

Вторая ступень – «признающее самосознание» как возникновение межличностного отношения: человек осознает себя существующим для другого. Индивид узнает в другом присущие ему самому черты, благодаря чему собственное «Я» приобретает для него новизну и привлекает внимание. Осознание своей единичности идет здесь через осознание своей особенности. Фундаментальным психологическим процессом оказывается взаимное признание.

Третья ступень – «всеобщее самосознание», здесь взаимодействующие «самости», благодаря усвоению общих принципов семьи, отечества, государства, равно как и всех добродетелей – любви, дружбы, храбрости, чести, славы» [7, с. 248], осознают не только свои различия, но и свою глубинную общность и даже тождество. Эта общность составляет «субстанцию нравственности» и делает индивидуальное «Я» моментом, частью объективного духа.

Развитие самосознания, таким образом, предстает закономерным стадийным процессом, этапы которого соответствуют этапам всемирной истории. Вместе с тем, сфера самосознания единичной личности находится в философской системе Гегеля на втором плане, снимается, поглощается всеобщим и не имеет самостоятельного значения, более того, она попадает в «оковы» *рацио*, т.е. сводится лишь к принципиально объяснимым, поддающимся анализу проявлениям. Самосознание человека как отдельного субъекта в гегелевской систематике ограничивается пределами логики.

Подводя черту необходимо отметить, что в целом характерная для гегелевской философии тенденция всеобщности и универсализма проявилась в том, что остался незапрошенным план внутренней жизни конкретного самоосознающего индивидуума. А логицизм гегелевского идеализма, в свою очередь, оставил вне объяснений целый пласт субъективных проявлений «Я» – иррациональные, бессознательные, чувственные проявления, и, как следствие не был раскрыт эмоционально-отношенческий аспект самосознания. В частности, такая важная сфера самосознания как самоотношение рассматривается лишь как проявление разума, Гегель придает ему значение логической связи.

Несмотря на данное ограничение в систематике Гегеля, вслед за учением Канта был сделан «гносеологический прорыв» к сущности понимания человека в культуре и его самосознания. Резюмируя, мы хотели остановиться лишь на одном из фундаментальных для науки о че-

ловеке положений, которое в различном звучании прочитывается в основных трудах Гегеля. Речь идет о характерной для философа идее о необходимости преодоления «Я» (*перешагивании «Я»*) как основы обретения полноценного самосознания [7]. Это важнейшее для психологической науки и практики положение закрепилось сегодня за учением В. Франкла.

Психологам и многим специалистам в сфере воспитания хорошо известен некий парадокс самосознания. Он заключается в том, что для того, чтобы обрести подлинное сознание своего «Я» человеку необходимо преодолеть своё «Я», выйти за пределы ограниченности рамками своего индивидуального существования и обратиться, посвятить себя чему-то большему, чем собственное «Я» – делу, обществу, науке, культуре, богу и т.д. Причем такое посвящение должно быть осознанным и свободным. Именно на этом пути человеку открываются истинные, сущностные аспекты его личности, перспективы и горизонты личностного самоопределения и самостроительства, возможности продуктивного и осмысленного существования.

Отмеченная закономерность выступает базовой и отправной идеей, лежащей в основе построения ведущих прикладных моделей и терапевтических практик психологической работы по развитию сферы самосознания личности. Так, психоанализ центрируется на культурогенном «выходе» бессознательных аспектов «Я», на выведении сознания за границы «Я» за счет переноса (трансферта), на стимулировании сублимации и т.п. Гештальттерапия стремится обеспечить целостность структуры «Я» посредством широкого обращения и поиска новых связей личности с окружающим природным и социальным пространством. В русле гуманистической психологии терапевтический процесс направлен на раскрепощение спонтанности и внутренней свободы личности посредством гармонизации связей в микросоциальной среде, а логотерапия непосредственно направлена на прямую активизацию способности к самотрансценденции и самоотстранению личности как условий обретения смысла,

Обращаясь к наследию Гегеля, мы сразу обнаруживаем (и вовлекаемся в) *идею преодоления*, размыкания границ «Я», которая служит в качестве методологического основания разработки проблематики самосознания и философии личности в целом. Для Г. Гегеля собственно проблема самосознания с самого начала предстает как «внутренний вопрос» движения всеохватывающего самопознания абсолютного духа, присутствующего в единичном (в отдельной личности), и выступает как саморазвивающийся

процесс диалектического самопостижения через самопрезентирование субъектом своих скрытых сущностей. Направленность данного процесса определяется движением индивидуального к слиянию со всеобщим (абсолютным).

В целом, понятие о самосознании у Гегеля является органично встроенной в канву всей его философской системы. Это некий логический каркас, который не лежит на поверхности гегелевского изложения. Будучи имманентно присущим системе, он не только постоянно функционирует и развивается в ней, но и определяет направление и движение развертывания *духа*, выражает то реальное диалектическое содержание, которое Гегель вкладывает в логику развития своей философской системы. Учение о развитии самосознания Гегеля есть по существу продолжение и развитие феноменологического анализа духа. Она связана с обсуждением сложнейшего вопроса бытия сознания в мире. Причем, как подчеркивает М.Ф. Быкова, речь идет не о простой фиксации самого факта бытия, а о попытке выражения сложнейшей диалектики сознания в его бытийственности. Ее реальный смысл состоит в систематическом изложении целостной концепции относительно самопознания (самопризнания) человека [1, с. 194-195]. Таким образом, речь идет о решении того «вечного» вопроса, над которым не переставала биться философская мысль, а именно о «познании подлинного в человеке, подлинного в себе и для себя» [8, с. 25].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Быкова М.Ф. Субъективность у Гегеля // Логос (Философско-литературный журнал). 1992. №3. С. 190–206.
2. Фихте И.Г. Назначение человека. СПб.: Изд.-во Жуковского. 1906. 133 с.
3. Бур М., Иррилиц Г. Притязания ума. Из истории немецкой классической философии и литературы. М.: Прогресс. 1978. 326 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3 т. Т.3. М.: Мысль. 1972. 372 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Сочинения: В 14 т. Т. 4. М.: Изд-во социально-экономической литературы. 1959. 440 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. Т.1. М.: Искусство. 1968. 312 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Философия духа. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1977. 472 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. Т. 3. М.: Изд-во социально-экономической литературы. 1956. 372 с.